

К определению слова

Заметка П. С. Кузнецова «Опыт формального определения слова»¹⁾ интересна по замыслу, но, по моему мнению, не доводит этот замысел до конца. Последовательность звуков

ПАПАША

при помощи «вставки» может быть превращена в последовательность

ПАПА и МАША.

Можно проверить, что обращение к фонетической записи не поможет спасти концепцию П. С. Кузнецова в оригинальной форме. Не обладая «никакой информацией о значении речи», разделить речь на слова в желательном для П. С. Кузнецова смысле вообще нельзя.

Для определения «слова» необходимо из области семантики заимствовать лишь умение отличать пары «вхождений в речь» звуковой последовательности, в которых эта звуковая последовательность имеет *то же самое* семантическое назначение, от пар «вхождений», в которых одна и та же звуковая последовательность употреблена с различным назначением. Это можно рассматривать как постулат о возможности определить, когда два «вхождения» в речь одной и той же последовательности звуков «равнозначны» и когда «не равнозначны». В виде примера рассмотрим четыре вхождения звуковой последовательности МАША:

- (1) Это МАША пришла?
- (2) Да, это МАША.
- (3) МАША
- (4) Приехала моя маМАША.

Первые три вхождения будем считать «равнозначными», четвертое же «не равнозначным» с первыми тремя.

Слово, конечно, вовсе не есть последовательность звуков, а *класс вхождений* (*класс равнозначных друг другу вхождений*) в речь некоторой звуковой последовательности. В этой связи можно говорить о «звуковом выражении

---

¹⁾ Вопросы языкознания, 1964, 5.

слова». Так, в примерах (1), (2), (3) звуковая последовательность МАША является звуковым выражением одного и того же слова. В примерах

(5) Смотри, какая БУКА!

(6) Это древесина БУКА

звуковая последовательность БУКА выступает в качестве звукового выражения двух различных слов.

Для формулировки определения «слова» введем некоторые вспомогательные понятия:

1) Разложение законченного отрезка речи на следующие друг за другом звуковые последовательности будем называть «допустимым», если каждая из полученных при разложении последовательностей может быть употреблена равнозначным образом, будучи оторвана от предшествующей и последующей.

2) Допустимое разложение «окончательно», если его нельзя путем дальнейшего подразделения образующих его звуковых последовательностей превратить в более дробное, но тоже допустимое.

3) Звуковые последовательности любого законченного допустимого разложения и есть «вхождения» слов в речь.

4) Постулируется отношение «равнозначности» двух вхождений.

5) Звуковая последовательность называется «слововыражающей», если она входит в качестве элемента в какое-либо допустимое окончательное разложение законченного отрезка речи. Одна и та же «слововыражающая» звуковая последовательность S может служить выражением нескольких различных слов (омонимов).

Чтобы получить определение слова, остается постулировать, что отношение равнозначности двух вхождений фиксированной слововыражающей последовательности S рефлексивно, симметрично и транзитивно.

При таком допущении все вхождения последовательности S хорошо известным способом разбиваются на классы «равнозначности». *Каждый из этих классов и есть «слово» со «звуковым выражением» S.*

В заключение мне остается согласиться с двумя замечаниями П. С. Кузнецова.

Во-первых, реальный язык не есть искусственно созданное «логическое устройство». Поэтому формальные определения основных понятий языкознания, безусловно ясные для «моделей языка», при их применении к живой речи оказываются в некоторых случаях несколько расплывчатыми. Важно лишь, чтобы таких случаев было не слишком много. Если определение достаточно просто и охватывает большой языковой материал с малым числом случаев неопределенности, то можно надеяться, что оно отражает реальные пути, на которых языковая практика достигает достаточной ясности выражения. Так и в нашем случае, из одного слова могут родиться два, как путем придания ранее незначимых различий в звучании различных вхождений «одной и той же» последовательности, так и путем распада на части «классов равнозначности».

Во-вторых, предлагаемые определения продуманы на материале русского языка. Следует думать, что они применимы вообще к языкам, которые допускают достаточно свободное комбинирование звуковых последовательностей, сохраняющих свою индивидуальность и состав.

Заметим, что мы обошлись без разделения слов на «самостоятельные» и «служебные», принятого при определении слова П. С. Кузнецовым. Подход к этому различению мне не совсем ясен. Так, в примере

Рукопись лежит у меня В ЯЩИКЕ стола

легко доказать, что В и ЯЩИКЕ — слова, но в примере

Рукопись лежит В нижнем ЯЩИКЕ моего стола

не ясно, как доказать «самостоятельность» слова ЯЩИКЕ по П. С. Кузнецову.

Комментарий к публикации

В 1964 году в журнале «Вопросы языкознания» (№ 5) была опубликована заметка П. С. Кузнецова «Опыт формального определения слова». Статью Колмогорова «К определению слова» предполагалось отправить в «Вопросы языкознания» в качестве рецензии, однако, по неизвестным причинам, публикация не состоялась. Нет никаких сведений и о том, был ли ознакомлен с текстом отзыва автор оригинальной работы П. С. Кузнецов.

Однако текст Колмогорова нельзя воспринимать лишь как критический ответ на предложенное Кузнецовым определение. Колмогоров, полемизируя с Кузнецовым и разбирая его примеры, дает свое определение «слова».

Петр Саввич Кузнецов (1899—1968), профессор филологического факультета МГУ, один из наиболее известных отечественных лингвистов, знал А. Н. Колмогорова с раннего возраста. В своих воспоминаниях («Из автобиографических записок». УМН. 1988. Т. 43, вып. 6. С. 197—208) Кузнецов писал:

«...Незадолго до смерти моего приемного отца, моя приемная мать передала меня на некоторое время своей лучшей подруге Вере Яковлевне Колмогоровой (тетке акад. А. Н. Колмогорова, математика, который, впрочем, тогда еще не родился), и она увезла меня в имение, принадлежащее ее отцу (деду Андрея Колмогорова) в Ярославской губернии, в 17 верстах от Ярославля, вниз по Волге. Там я и провел следующие три года жизни (до лета 1905 г.). Туда же сразу после рождения был привезен и Андрей Колмогоров, который был моложе меня на 4 года и 3 месяца. (...)

...зимой я жил с мамой в Москве, а по летам мы гостили у Колмогоровых. Впрочем, одну зиму (1907—1908 г.) я провел у них в именье. А потом и Андрей Колмогоров со своей тетей жили в Москве, и мы все вместе жили на одной квартире. (...)

В 1-м классе я учился в гимназии Флерова, а начиная со 2-го класса и до конца в гимназии Е. А. Репман. Там же учился и Андрей Колмогоров (он был

на три класса моложе меня). Но, поскольку он тогда уже обнаруживал задатки великого математика, он помогал мне решать задачи, а когда я был в 6-м классе, а он в 3-м, я же помогал ему (тогда и позднее) готовить уроки по латыни, так как был лучшим латинистом в классе. {...}

В начале 1922 г. я... получил двухмесячный отпуск в Москву, где снова окунулся в прежнюю жизнь с прежними московскими друзьями, а частью — и новыми. Андрей Колмогоров в это время был уже студентом-математиком, выдвигался, работал в семинаре у Н. Н. Лузина, который вообще брал в свой семинар только тех, которые в будущем, как он надеялся, будут профессорами».

В зрелые годы до последних дней своей жизни Кузнецов поддерживал дружеские связи с семьей Колмогорова.

В своей заметке Кузнецов подходит к определению слова следующим образом:

«Исходя из разграничения языка и речи, слово определяется здесь лишь как единица речи... Определение же слова в речи должно лишь служить основанием для проведения границы между словами в речевом потоке, т.е. для отграничения каждого слова от предшествующего и последующего...

Определение, которое будет здесь предложено, относится лишь к устной, или звучащей, речи... {...}

Мы располагаем звуковой последовательностью человеческой речи данного языка, т.е. определенной последовательностью звучаний, прерываемой паузами, являющейся результатом определенной последовательности работы речевого аппарата говорящего человека. {...}

Приступим к самому определению.

Звуковая последовательность, могущая быть ограниченной паузами любой длины, есть звуковая последовательность, которая содержит по крайней мере одно самостоятельное слово (1). {...}

Звуковая последовательность, определенная указанным выше способом, внутрь которой не может быть вставлена другая звуковая последовательность, определенная таким же способом, и есть отдельное самостоятельное слово (2). {...}

Звуковая последовательность, которая не является ни отдельным самостоятельным словом, ни частью отдельного самостоятельного слова, есть служебное слово (3)».

Современные задачи языкознания и подготовка лингвистов

Известно, что развитие советского языкознания, как и развитие нашей биологической науки, происходило не без излишних зигзагов. В течение многих лет искусственно насаждалось в качестве единственно истинного фантастическое «новое учение о языке» Н. Я. Марра. Развенчание этого учения произошло внезапно в 1950 г. Опубликованная в этом году статья И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» содержала яркое, темпераментное и в общих чертах правильное изложение общеизвестных истин традиционного, домарровского языкознания, но в соответствии с духом времени была объявлена неким откровением — обязательной основой нового этапа развития лингвистической науки. Получив возможность без ощутимых помех заниматься полезными конкретными исследованиями, лингвисты были обречены до 1956 г. на необходимость освещать всю свою деятельность как реализацию гениальных указаний И. В. Сталина, что, естественно, не могло создать условий для спокойной и продуктивной разработки общих принципиальных вопросов науки о языке.

Лишь в течение последнего десятилетия была создана атмосфера, полностью благоприятствующая активной работе над общими проблемами языкознания. Но для ее полного развития оказалось необходимым преодолеть возникшее в предшествующий период отставание нашей науки по двум направлениям. Одно из них связано с бурным развитием новых технических средств хранения, передачи и переработки информации. Вызванное ими развитие новых отделов «прикладной лингвистики» столь значительно, что оказывает уже обратное влияние и на разработку вопросов общей «теоретической» лингвистики. Об этом было рассказано в статье Р. Добрушина («Известия» № 50, 1966 г.).

Само положение языкознания в системе наук существенно изменилось с возникновением новых дисциплин, изучающих общие свойства всевозможных способов общения между людьми, — семиотики, теории информации. Дисциплины эти сейчас уже не являются собранием общих рассуждений, а имеют достижения, которые лингвист может с пользой употребить в своей работе. Наряду с естественными языками семиотика охватывает искусственные, полностью формализованные языки математических формул и математической логики. В формализованных языках предложения строятся и преобразуются по определенным правилам, в соответствии с определенными